

Среда 2-го Іюля 1914 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-пetersбургскихъ театровъ

Словомъ, чеховскихъ героевъ нѣтъ: они измѣнились. Въ худшему, или къ лучшему—это вопросъ другой—но измѣнились.

И тутъ невольно приходится столкнуться съ еще однимъ страннымъ явленіемъ—быть можетъ, болѣе знаменательнымъ чѣмъ первое.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это поразительно: всѣ измѣнились, за исключеніемъ—актеровъ и театральныхъ дѣятелей...

Казалось бы, они должны были больше всѣхъ измѣниться, ибо какая же жизнь неспокойнѣй и неровнѣй актерской? Но, оказывается, что это не такъ. Какими зарисовала актеровъ и театральныхъ дѣятелей мѣткая кисть Чехова—такими они остались посейчасъ. Ни время, ни самыя разнообразныя теченія, обновляющія и измѣняющія за десять лѣтъ театр—не могли, однако, «измѣнить» актеровъ...

Простѣдите, каковы они у Чехова и въ настоящей жизни, и вамъ ясно станетъ; что это—одни и тѣ же лица.

Вотъ, чеховская Катя изъ «Скучной исторіи». Конечно, сейчасъ она не такъ томится, не лежитъ на кушеткѣ и не предпочитаетъ ливючие или мотовые цвѣта. Она, несомнѣнно, давно окончила театральную школу и давно подвизается на сценѣ. Но развѣ ея разочарованіе въ себѣ и въ томъ дѣлѣ, которому она отдалась—не такъ же типичны? Развѣ ея презрѣніе къ театру и его служителямъ не составляетъ ея главнаго переживанія? И, въ концѣ концовъ, развѣ ея жалобы на актеровъ—не попрежнему вѣрны?

Дальше. Прочтите чеховскаго «Перваго любовника». Развѣ не его вы вчера встрѣтили въ ресторанѣ и не въ одномъ, а въ десяти-двадцати одинаковыхъ экземплярахъ...

А «антрепренеры подъ диваномъ». Развѣ его анекдотическое положеніе—стало хоть на капельку менѣе типичнымъ? Не та же ли грязь царитъ за кулисами и не та же ли пошлость—составляетъ основной цементъ всѣхъ закулисныхъ отношеній?..

Увы, все осталось такимъ, какъ было... Катя томится и ненавидитъ всѣхъ такъ, какъ раньше. «Первый любовникъ» такъ-же безпечно и ничемно вретъ, а антрепренеръ, если и не лежитъ подъ диваномъ, то во всякомъ случаѣ, очень недалеко отъ него...

А Буккинъ (изъ разсказа «Душечка») такъ-же ялается на непогоду и не мѣняетъ программы въ своемъ «Тиволи».

То, что описано въ прелестномъ разсказѣ «Салюти»—происходитъ попрежнему ежедневно... «Актерская гибель»—такъ-же незамѣтна и сумеречна, какъ была, а жизнь актерская не веселѣе ея гибели и течетъ такъ же мутно и ничемно...

Ничто не измѣнилось.

Или темнѣе, или содержаніе, или форма...

Читайте безсмертныя книги Чехова и подумайте ваять этимъ. Подумайте, погустите, по, ради Бога, не пытайтесь придумать «испѣленія».

Если его не придумало время—то ужъ ваши усилія будутъ павѣрное тщетными.

П. Сторичный.

Актеры Чехова

Странное явленіе: Чеховъ умеръ всего только десять лѣтъ назадъ, но герои его за это время почти всѣ измѣнились. «Чеховщина» какъ будто и осталась и даже въ изобиліи, но герои Чехова нѣтъ. Они всѣ заговорили по-новому, стали неузнаваемыми, переплотились и зажили новой жизнью.

Куда дѣвались его милые, смѣшные штабсъ-капитаны, доказывающіе, что Пушкинъ психологъ и въ доказательство приводящіе два стиха изъ Лермонтова? Гдѣ чеховскіе «учителя словесности», пишущіе отчаянные и грустные признанія въ своихъ дневникахъ? Гдѣ его профессора, томящіеся отсутствіемъ міровоззрѣнія и на старости лѣтъ приходящіе къ печальному заключенію, что жизнь «безъ идеи»—«скучная исторія»?

Гдѣ его страдающія, трогательныя дѣти, пишущія жалобныя письма по немногу неточному адресу: «на деревню-дѣдушкѣ»...

Ихъ нѣтъ...

Измѣнились всѣ: и дѣти, и взрослые.

«Ванька» сейчасъ некогда писать письма. За десять лѣтъ у него работы было немало. Приходилось муштровать въ «потѣшныхъ» ротахъ, а сейчасъ—кто знаетъ?—не ось ли онъ центръ «ритуальной» професса?..

Милому штабсъ-капитану тоже некогда доказывать, что Пушкинъ—психологъ. За десять лѣтъ онъ успѣлъ не разъ проштрафиться въ интендантствѣ и забыть о Пушкинѣ...

Точно также жалкій чеховскій «перекати-поле» давно бросилъ слоняться по монастыряхъ. Ему сейчасъ некогда: онъ давно уже открылъ въ Парижѣ розыскную канцелярію, и о немъ мы ежедневно читаемъ въ газетахъ «сенсаций»...

Что же касается нынѣшнихъ профессоровъ и педагоговъ, то они ужъ ни въ какомъ случаѣ не похожи на своихъ «чеховскихъ» предшественниковъ: кто изъ нихъ въ настоящее время убѣжденъ, что жизнь «безъ идеи»—«скучная исторія»? Наоборотъ: очень веселая... А педагоги—какіе же педагоги сейчасъ пишутъ въ дневникахъ, «что нужно бывать пока не поздно», нужно бросить эту жизнь и такъ далѣе.